

носиться и к стиховой форме перевода. В 1736 г., уже после выхода «Способа», Тредиаковский переводит оду Штелина на победу русских при Перекопе и в ней возвращается на позиции силлабики, о чем речь впереди. В заметке, написанной на французском языке не ранее 1769 г. (год смерти Тредиаковского), Штелин вспоминает критическую реакцию современников: «Г. Тредиаковский слышал от некоторых знатоков, что в немецком оригинале несравненно более гармонии, чем в русском переводе». ¹⁴

В сущности перед нами вариант тех поэтических состязаний, которые позднее будут происходить между русскими поэтами на родном языке. Предметом критического обсуждения становится не столько вопрос о талантах авторов, сколько языковая и версификационная основа их творчества. ¹⁵ Соревнование немецких и русских текстов способствовало взаимному ознакомлению и сравнительному обсуждению литературных систем: сравнение с чужой побуждало увидеть свою в новом свете. Когда Тредиаковский в более поздней статье касается предыстории своей реформы, он драматизирует происшедшее, представляя его как некое озарение, и указывает, что именно критика привела его к внезапному осознанию, что поэзия его «не состоит стихами, выключая рифму, но точно странными некакими прозаическими строчками». ¹⁶

Недовольство Тредиаковского доставшейся ему в наследство силлабикой коренится в осознании той другой и, как мыслилось, лучшей возможности, представленной в его непосредственном окружении немецкой силлабо-тоникой. Это привело к острому кризису силлабики. Первоначально она была перенята из допетровской культуры и с тех пор неоднократно себя оправдывала. Уже в 1710-е гг. она служила не только духовной, но и светской поэзии. Силлабикой кроме панегирических стихов писались многочисленные любовные песни, ¹⁷ не в последнюю очередь и Тредиаковским. К началу Петровской эпохи силлабика, может быть, еще была связана (так же, как и церковнославянский язык) церковными, «далекими от Европы» ассоциациями старомосковской культуры. Со временем эти представления если и не исчезают вовсе, то во всяком случае бледнеют. Кантемир в 1720-х гг. без каких бы то ни было сомнений использует силлабику для своих переводов и подражаний сатирам Буало. Так же поступает и Тредиаковский, когда в 1734 г. в своей оде «О зда-

¹⁴ M. Trediakovsky <...> entendit de plusieurs <sic!> Connoisseurs que dans l'original allemand regnoit infiniment plus d'harmonie que dans la Traduction Russe — *Тредиаковский В. К. Собр. соч. / Изд. П. Перевлесского. М., 1849. С. 111.*

¹⁵ *Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме: Состязания и переводы // Poetica 4. Л., 1928. С. 126—148; Шишкин А. Б. Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 232—246.*

¹⁶ *Тредиаковский В. К. О древнем, среднем и новом стихотворении российском (1755) // Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 441.*

¹⁷ *Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII-XVIII веков: Из истории песенной силлабической поэзии // Учен. зап. Московского заочного пед. ин-та. 1958. № 1; Sullivan J., Drage C. L. Russian Love-Songs in the Early Eighteenth Century: A Manuscript Collection. London, 1988. Т. 1—3.*